Фещенко П.Н. ♦

Классификация и типология лиц, совершающих преступления в связи с социальной напряженностью

Аннотация: В статье рассмотрены криминологические аспекты классификации и типологии лиц, совершающих преступления в связи с социальной напряженностью как новым для России криминогенным фактором, место и роль социальной напряженности среди причин появления у личности криминогенных качеств, даны рекомендации по основным направлениям профилактики преступлений общеуголовного и политического характера в аспекте их связи с социальной напряженностью.

С учетом изложенного высказано мнение о целесообразности рассмотрения связи состояния и стадий развития социальной напряженности с соответствующими классификационными и типологическими особенностями преступников, что, по мнению автора, должно способствовать повышению защищенности граждан от преступных посягательств и повышению эффективности борьбы с преступностью. Для этих целей необходимо объединить в самостоятельную группу лиц, совершающих преступления в условиях и под воздействием существенного роста социальной напряженности, в которой помимо хорошо исследованных криминологами преступников с традиционными негативными качествами личности дополнительно выделяются лица, поддающиеся влиянию толпы и в целом до этого характеризовавшиеся положительно, что следует особо учитывать при проведении профилактических мероприятий.

Кроме того, автор говорит о преступниках, совершающих преступления в целях повышения социальной напряженности в силу корыстных, политических, националистических и иных мотивов, о лицах, деятельность которых ведет к существенному росту социальной напряженности, движимых эгоистическими, корыстными, корпоративными и иными мотивами, а также о лицах, умышленно повышающих социальную напряженность в интересах достижения более значимых, по их мнению, целей, нежели стабильность социально-экономической ситуации.

В отдельную группу можно объединить сотрудников силовых структур, отказывающихся выполнять приказы или прямо поддерживающих участников

♦ **Фещенко Павел Николаевич** — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Российская Федерация; e-mail: fpn2005@mail.ru.

насильственных преступных акций. В итоге автор считает целесообразным использовать данную классификацию и типологию преступников для внесения ясности в истинные причины существенного роста социальной напряженности в тех или иных регионах и для повышения эффективности мер противодействия преступности.

Ключевые слова: социальная напряженность; классификация и типология личности преступника; причины и предупреждение преступности.

Изучение причин преступности и поиск путей эффективной профилактики преступлений постоянно находятся в поле зрения криминологов не только в связи с молодостью криминологии как науки, но и в силу появления все новых и новых криминогенных факторов, требующих исследования и соответствующей реакции.

Как справедливо отмечает В.Е. Эминов, «сложный механизм причинной связи в криминологии складывается в результате взаимодействия причин и условий, главных и второстепенных причин, закономерных и случайных событий» [1, с. 22]. Рассматривая все многообразие криминогенных факторов, помимо причин преступности и благоприятствующих ей условий исследователи традиционно выделяют и криминогенные фоновые явления — алкоголизм, наркоманию, проституцию, бродяжничество, при этом в теоретическом и прикладном аспектах привычным стал системный подход к их нейтрализации [2].

В этой связи следует отметить, что в последние годы, к сожалению, появилось еще одно негативное массовое явление — социальная напряженность, в общем виде понимаемая как недовольство значительных масс населения политикой, проводимой властями [3], причем все чаще и чаще выражение этого недовольства от конституционных форм переходит к погромам и грабежам, захвату власти и кровопролитию.

Только, например, в первой половине 2014 г. в ходе таких действий были насильственно отстранены от власти законно избранные руководители Украины и Абхазии, развернулась беспрецедентная кампания по противодействию передаче власти новому королю Испании, прошли массовые выступления бедных слоев населения Бразилии против проведения в стране чемпионата мира по футболу и др.

Следует отметить, что помимо реально существовавших проблем, толкнувших массы людей на выступления, показательной можно считать и успешность ряда подобных неконституционных шагов, что дает негативный пример выхода из кризиса другим недовольным своим положением гражданам.

Особенно насыщенным подобными событиями можно считать последнее десятилетие, когда по Европе прокатилась волна «цветных» революций, на Ближнем Востоке пали правившие десятилетиями режимы, а в России все чаще происходят давно забытые марши протеста или столкновения с представителями власти — от выхода на площади до разгрома оборудования нарушающей экологические нормы горнодобывающей компании[1].

По сообщениям СМИ и материалам расследований, среди большинства, которое традиционно ориентировано на мирное давление на власти, систематически появляются и те, кто заранее планирует провокации, берет с собой оружие, алкоголь или же, поддаваясь эмоциям, переходит к насильственным действиям.

Применительно к США эти проблемы достаточно хорошо рассмотрены в работе американского исследователя Э.М. Шура «Наше преступное общество» с вступительным словом уважаемого академика В.Н. Кудрявцева [4].

Анализируя факты многочисленных акций протеста в США в 60-х гг. прошлого столетия, указанный автор ссылается на материалы авторитетных правительственных комиссий, которые пришли к созвучным нашему времени выводам о том, что:

– в ходе акций протеста под лозунгами об улучшении условий жизни совершались массовые преступления, подавляющую долю которых составляли открытые разграбления магазинов, домов и автомашин состоятельных граждан, за исключением тех, кто ранее «лояльно относился к обездоленным»;

– в массовых выступлениях и грабежах участвовали не только в прошлом судимые или беднейшие граждане, но и вполне состоятельное население, «приближающееся к уровню среднего класса», движимое своеобразной гордостью за сопричастность к выступлениям против властей;

– в ходе грабежей люди зачастую вели себя спокойно, с чувством моральной оправданности своего поведения, поскольку они «возвращали свое имущество», которого лишило их государство через ущемления в зарплате, возможность получить работу и т.д.;

– провоцирующую роль в стимулировании акций протеста зачастую играли как откровенное безразличие властей к бедственному положению определенных слоев населения, так и демонстративные издевательства и произвол со стороны полиции.

Здесь следует отметить, что столетие назад, анализируя причины массовых противоправных деяний, З. Фрейд отмечал: «…в массе, в силу только одного факта своего множества, индивид испытывает чувство неодолимой мощи… В

[1] URL: http://news.mail.ru/politics/15368822/ ?frommail=1.

массе… при анонимности совершенно исчезает чувство ответственности, которое всегда индивида сдерживает» [5, с. 774–775].

Для уменьшения тяжести последствий подобных акций, планирования профилактических мероприятий, защиты жизни, здоровья и имущества граждан представляется целесообразным более детально рассмотреть в данной статье криминологические характеристики таких преступников в аспекте связи их действий с социальной напряженностью.

Термин «социальная напряженность» в последние годы стал привычным как для ученых, политиков, корреспондентов, так и для простых граждан. Он стал таким же привычным, как понятия «коррупция», «экономический кризис», «экстремизм и терроризм» и многие другие, отражающие различные аспекты неблагополучия в разных странах, регионах или сферах жизни общества.

Это неблагополучие вызывает недовольство населения действиями или бездействием властей по нормализации обстановки, а его выражение может носить конституционный характер (в виде пикетов, забастовок и т.п.), как, например, марш молодых мам с детскими колясками в Израиле, протестовавших против политики государства по обеспечению детскими садами[2], а может принимать форму погромов, террористических актов и насильственного захвата власти, как в России в 1917 г., Тунисе в 2011 г., Лондоне 7 августа 2011 г., Египте в 2013 г. и т.д.

Причем эти явления взаимосвязаны и могут меняться местами. Например, недовольство (социальная напряженность) может толкнуть человека на месть представителям власти и совершение теракта, а непрофессиональная работа органов власти по предотвращению теракта может вызвать рост недовольства населения и т.д.

Как справедливо указывает Ю.В. Сапронов, «экстремизм формирует атмосферу социальной напряженности в обществе и является мощным криминогенным фактором» [6, с. 26].

Применительно к противоправным действиям в виде самосуда исследователь данного явления А.М. Смирнов отмечает, что «когда происходят реформы, коренным образом меняющие жизнь общества, реализация которых осуществляется непрофессиональными чиновниками… происходит ослабление государственного контроля социальных процессов, что приводит к развитию в обществе анархии, безнаказанности и социальной напряженности, снижению уровня безопасности членов общества, недостаточности или невозможности ее обеспечения с помощью органов правопорядка… Как показывает историческая практика, самосуд — в определенной степени признак надвигающегося

[2] Первый канал. Новости от 25 августа 2011 г. URL: http://www.1tv.ru/news.

народного бунта или революции. И это есть повод, чтобы задуматься» [7, с. 139].

Показательно, что еще в прошлом столетии академик В.Н. Кудрявцев отмечал, что «социальная напряженность представляет собой эмоциональное состояние в группе или обществе в целом, вызванное давлением природной или социальной среды, продолжающееся, как правило, в течение более или менее продолжительного времени. Напряженность может быть вызвана отнюдь не только стремлением достичь какой-либо цели, но и разного рода ошибками и некомпетентностью лидеров» [8, с. 43].

Недовольство властями может выражаться в действиях определенных слоев населения или социальных групп — пенсионеров, авиадиспетчеров, рыболовов-любителей и т.п., а может объединять в справедливом гневе большинство населения, как на Ближнем Востоке в 2011–2014 гг.

Акции протеста как реакция на конкретный факт ущемления основных прав и свобод могут носить спонтанный характер (как при убийстве полицейскими чернокожего подростка в США в 2014 г., оставлении на свободе преступников в Москве после убийства футбольного болельщика в 2010 г. или легализации однополых браков во Франции в 2013 г.), а могут иметь организаторов и идейных вдохновителей в виде партий и революционных организаций, как, например, в России начала XX в.

Как представляется, в этих условиях криминологи должны разработать эффективные методики оценки предпосылок перехода недовольства и законных форм его проявления в неуправляемые или координируемые противоправные акции, в том числе в части оценки массива потенциальных преступников.

Некоторые теоретические разработки в данной сфере в последние годы уже проведены [9], однако многое, на наш взгляд, еще требует исследования. В частности, важным при этом видится введение в научную и практическую деятельность дополнительных классификационных категорий преступников, учитывающих криминогенный характер социальной напряженности как массового негативного социального явления.

На наш взгляд, к традиционным, хорошо известным криминологам подходам к проведению классификации по полу, возрасту, семейному положению и т.д., а также к определению типов преступников по мотиву, степени общественной опасности, глубине криминальной деформации личности и т.п. для решения задач предупреждения преступности целесообразно добавить дополнительные категории преступников.

В целом можно согласиться с А.Г. Заболоцкой и А.А. Саакян, которые отмечают, что преступления, связанные с экстремальными ситуациями,

обусловленными фактором социальной напряженности, делятся на две взаимосвязанные категории. К первой относятся преступления, влекущие возникновение экстремальных ситуаций, в условиях которых наступают опасные последствия и могут совершаться иные преступления, ко второй — преступления, которые совершаются в уже сложившихся экстремальных ситуациях и также влекут наступление вредных последствий [10, с. 29–30].

По мнению А.И. Долговой, к данным преступлениям относятся «массовые беспорядки, террористические акции, деятельность незаконных вооруженных формирований, вооруженный мятеж, групповые нарушения общественного порядка (хулиганства), захват заложников, летательных аппаратов, групповые драки и столкновения, в т.ч. на почве межнациональной розни, массовые побеги из мест лишения свободы и из-под стражи, групповое сопротивление силам правопорядка, нападения на охраняемые объекты с целью захвата оружия, ценностей и прочие» [11, с. 885].

При этом, по нашему мнению, преступников целесообразно дополнительно разделить на группы. Во-первых, это преступники, совершающие преступления под воздействием социальной напряженности и в условиях ее роста (массы граждан, недовольные проводимой политикой и допускающие применение насилия, а также мародеры, организованные грабители, грабители-одиночки и т.д.). Это могут быть взрослые и подростки, мужчины и женщины, граждане страны и иностранцы, объединяемые в подгруппы по ведущим мотивам.

В широком смысле это те, кто воспитывался в атмосфере недовольства властями или социальными группами или подвергся успешной целенаправленной идеологической обработке и воспринимает, например, любого американца как врага, посягающего на мусульманские святыни [12]. После совершения таким лицом или массами конкретных преступлений, в том числе в ходе массовых беспорядков, при исследовании процессов социализации и формирования преступного мотива социальная напряженность в понимаемом значении, естественно, будет на первом месте.

Другая группа преступников — это те, кто воспитывался в криминогенной среде, сформировался как личность с искаженным правосознанием и при благоприятных условиях хаоса, бесконтрольности, поддержки населением и т.д. (ситуативно-криминогенный тип) выбирает противоправный вариант удовлетворения своих потребностей (корыстных, сексуальных, мести и т.д.).

Необходимо отметить, что при исследовании в рассматриваемом аспекте мотивационной сферы лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях на территории Кировской области, автором было установлено в числе анкетируемых определенное количество тех, кто готов при наличии серьезных

проблем после освобождения использовать и противоправные методы воздействия на власти для решения возникших проблем.

Обе обозначенные категории преступников предлагается классифицировать следующим образом:

– корыстные преступники, которые тайно или открыто пытаются заполучить неохраняемые материальные ценности. Частным случаем можно считать налоговые преступления по мотивам восстановления социальной справедливости: «Вы расхищаете наверху миллиарды, а я должен платить со своего честного бизнеса, сдачи внаем квартиры и т.д.?»;

– лица, движимые мотивами ненависти к представителям иной веры, расы, национальности, политических взглядов, социальных групп и т.д. [13];

– лица, стремящиеся совершить самосуд и наказать «виновных» в своих проблемах — представителей власти, мигрантов, богатых и т.д. [7]. Эта месть может быть персонифицирована и направлена на конкретное лицо, как, например, были убиты Саддам Хусейн или Чаушеску с супругой, она может быть направлена на широкие социальные слои или группы и носить характер гражданской войны или геноцида;

– террористы, деятельность которых ориентирована на ликвидацию конкретных политических деятелей [14], или социальные группы (например, эсеры-боевики в дореволюционной России, Брэйвик в современной Норвегии [15] и др.).

Как справедливо указывает Д. Ольшанский, «терроризм — это завершающее звено в довольно сложной цепочке. Радикализм — экстремизм — фанатизм — терроризм… Радикализм в умах рано или поздно начинает требовать конкретных действий. Склонность к таким крайним действиям на основе радикальных взглядов и требований проявляется в экстремизме…

Терроризм — это, прежде всего, самозащитная реакция политического, социального, религиозного, экономического и т.д. меньшинства против тех или иных действий большинства… Терроризм возникает тогда, когда исчерпаны все возможности диалога. Когда нет желания слышать и возможности понимать друг друга. Когда нет веры в обещания друг друга…» [16, с. 209, 213].

Во всех указанных случаях преступников целесообразно поделить на две группы — насильственных, ориентированных на убийства, пытки и т.д., и ненасильственных, фальсифицирующих итоги выборов, совершающих финансовые махинации и коррупционные деяния. Первые в своей массе, как известно, отличаются наличием проблем с психикой, проблемной социализацией, склонностью к алкоголизму и т.д., что позволяет выделить специфические меры профилактики, направленные на формирование ненасильственного типа личности.

В отличие от них, как показывает практика, не ориентированные на насилие законопослушные недовольные лица мирно выходят на санкционированные митинги или просто дожидаются очередных выборов и в рамках закона меняют власть.

Во-вторых, это преступники, деятельность которых направлена на умышленное повышение социальной напряженности в обществе как средство достижения политических и иных целей (террористы, сепаратисты, представители и агенты иностранных спецслужб, организованной преступности). Их действия продуманны, они организованны и подготовлены. Для достижения целей могут быть использованы как насильственные действия и ложь (например, обвинение коммунистов в поджоге Рейхстага в Германии накануне Второй мировой войны), так и дезинформация в виде распространения заведомо ложных измышлений относительно деятельности властей.

Это могут быть граждане страны или наемники, добровольцы или целенаправленно привлеченные в ряды «борцов за свободу». Могут быть и одиночки типа Брэйвика. Они могут иметь политические или корыстные мотивы. Профилактика в своей массе связана с реализацией специально-криминологических мер, в том числе с оперативно-розыскной деятельностью, однако при проведении профилактических мероприятий возникают большие трудности. Для целей противодействия терроризму, в частности, может быть использована и более детальная классификация и типология преступников. Например, Ф. Мохаддам выделяет такие типы террористов, как «источник вдохновения», «стратег», «связник», «эксперт», «руководитель ячейки», «местный агитатор и организатор», «член местной террористической ячейки», «пушечное мясо», «спонсор» и др., детально раскрывая их содержание и приводя примеры деятельности конкретных преступников [12].

В-третьих, это лица, преступная и иная деятельность которых ведет к существенному росту социальной напряженности и не направлена на достижение политических целей (неквалифицированные управленцы, коррупционеры, решающие личные или групповые проблемы, политики, стремящиеся сохранить свое кресло, и т.д.). В качестве ведущего здесь может быть выделен корыстный — личный или корпоративный — мотив без понимания, что, например, хищение средств ФОМС и появившийся дефицит льготных лекарств спровоцируют значительный рост социальной напряженности.

Следует отметить, что непрофессиональные действия должностных лиц или игнорирование законных интересов граждан ведут к нарастанию социальной напряженности и протестной активности граждан и в итоге могут

«взорвать ситуацию». Как по этому поводу отмечает исследователь проблем нестабильности в обществе с позиций теории управляемого хаоса С. Манн, при развитии процесса можно образно сравнить нерешаемые проблемы с песчинками: «…песчинки складывают одна к одной до тех пор, пока в результате критического состояния последняя не создаст лавину… Система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в основном игнорируемых событий» [17].

По нашему мнению, игнорирование событий — это как раз то бездействие должностных лиц, о котором миллионы граждан сообщают президенту во время традиционных телефонных мостов, пишут жалобы и т.д.

В-четвертых, это лица, принимающие управленческие решения, которые ведут к существенному росту недовольства населения, осознающие такие последствия, но делающие это для отвлечения недовольства масс от других, реально угрожающих им проблем.

В-пятых, это представители правоохранительных органов и армии, не желающие в складывающихся условиях принимать участие в карательных операциях против своего народа. Как показывает история, в итоге они могут признаваться или преступниками, или героями.

Предлагаемые классификация и типология, не имеющие, как представляется, исчерпывающего числа оснований, на наш взгляд, позволят, в частности, конкретизировать деятельность по оценке мотивов поведения лиц — виновников существенного роста социальной напряженности и в итоге принять эффективные меры противодействия.

Как отмечал видный американский криминолог В. Фокс еще в середине прошлого столетия, «типология, классификация и методы прогнозирования помогают разработке теоретических конструкций и определений в сфере криминологии и уголовной политики, которые полезны для исследователей, принятия политических решений и для практической работы» [18, с. 246].

Обычному гражданину — честному налогоплательщику по большому счету не так важно, что́ привело к массовым беспорядкам и погромам, когда толпа разграбила его магазин и походя сожгла его машину. Главное, чтобы компетентные органы разобрались, кто в этом виновен из числа тех, кто довел ситуацию до критического уровня социальной напряженности. Или это представитель «пятой колонны — иностранный агент влияния», прикрывающий свои управленческие решения громкими словами о «благе народа», или бездействующий управленец, или заинтересованный в личном благополучии чиновник…

Следует отметить, что сама по себе социальная напряженность может и не перерасти в массовые преступные акции, чему кроме эффективного

применения общесоциальных и специально-криминологических мер воздействия могут способствовать целенаправленные меры антикриминогенного мониторинга [19], в том числе и деятельность по выявлению лиц, склонных к совершению насильственных преступлений, и воздействию на них.

Как справедливо указывает А.Н. Бабенко, следует учитывать, что современная официальная статистика предоставляет ученым огромные возможности для криминологического моделирования многообразных криминогенных процессов, протекающих в различных уголках нашей страны, открывает большие возможности для установления конкретных тенденций и статистических закономерностей преступности, законов распределения преступности по различным регионам страны в разные периоды, дает возможности для выявления специфических факторов, влияющих на состояние преступности в конкретных территориально-пространственных системах [20, с. 20].

В то же время отсутствие правовой оценки последствий действий, вызывающих рост социальной напряженности, по нашему мнению, неминуемо приведет к появлению «выразителей чаяний масс», предлагающих быстрый и «простой» путь решения проблем, в том числе «расшатывания власти» через совершение террористических актов.

Приведенная выше классификация преступников, на наш взгляд, станет актуальной в теоретическом и прикладном плане, если признать социальную напряженность криминогенным фактором, включить ее в числе отслеживаемых явлений в основополагающие нормативные акты в сфере обеспечения безопасности и борьбы с преступностью, ввести для нее традиционные криминологические оценочные показатели в виде уровня, динамики, латентности, структуры и т.п., а также предусмотреть ответственность должностных лиц за их существенный рост, как это сделано применительно к другим, традиционно изучаемым криминогенным факторам[3].

В целом, как представляется, все сказанное вписывается в положения утвержденной в ноябре 2013 г. президентом страны Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, прежде всего в части необходимости решения поставленной задачи «оценки состояния общественной безопасности, прогнозирования ее развития, информирования руководства страны, государственных органов, общественности и населения о положении дел в данной области» (подп. 26 «б»), а также «формирования государственной

[3] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // Российская газета. 2010. 15 июня.

системы мониторинга состояния общественной безопасности, предусматривающей установление критериев оценки угроз общественной безопасности, показателей и индикаторов ее состояния; получение, обработку, анализ данных об угрозах общественной безопасности, а также о деятельности сил обеспечения общественной безопасности…»[4].

Библиография

1. Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ / В.Е. Эминов. — М.: Норма: Инфра-М, 2011. — 128 с.

2. Здоровье нации и национальная безопасность / под ред. проф. А.И. Долговой. — М.: Рос. криминол. ассоц., 2013. — 652 с.

3. Козырев Г.И. Политическая конфликтология : учеб. пособие / Г.И. Козырев. — М.: Форум: Инфра-М, 2008. — 432 с. — (Высшее образование).

4. Schur E.M. Our criminal society. The social and legal sources of crime in America / Edwin M. Schur. — New Jersey: Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. — 244 p.

5. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я // Я и ОНО : соч. / З. Фрейд. — М.: ЭКСМО-Пресс, Харьков: Фолио, 2002. — С. 761–828.

6. Сапронов Ю.В. К вопросу о социально-криминологической характеристике ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений / Ю.В. Сапронов // Российский следователь. — 2012. — № 21.— С. 26–28.

7. Смирнов А.М. Самосуд в России / А.М. Смирнов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 384 с.

8. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология / В.Н. Кудрявцев. — М.: Ин-т государства и права РАН, 1995. — 315 с.

9. Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) / П.А. Кабанов. — Казань: Новое знание, 2006. — 360 с.

10. Заболоцкая А.Г. Преступность в экстремальных ситуациях: состояние, причины, проблемы противодействия / А.Г. Заболоцкая, А.А. Саакян. — Волгоград: ВА МВД России, 2011. — 160 с.

11. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. — 3-е изд. — М.: Норма, 2007. — 912 с.

[4] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/ acts/19653.

12. Moghaddam F.M. From the Terrorists' Point of View: What They Experience and Why They Come to Destroy / Fathali M. Moghaddam. — Westport ; Connecticut; L.: Praeger Security International, 2006. — 173 p.

13. Lawrence F.M. The Punishment of Hate: Toward a Normative Theory of Bias-Motivated Crimes / F.M. Lawrence // Michigan Law Review. — 1994. — Vol. 93. — P. 320–381.

14. Горбунов К.Г. Терроризм: История и современность. Социально-психологическое исследование / К.Г. Горбунов. — М.: Форум, 2012. — 398 с.

15. Цепляев В. Бойня в Норвегии. Страшная сказка Андерса / Виталий Цепляев // Аргументы и факты. — 2011. — 27 июля.

16. Ольшанский Д. Психология терроризма / Д. Ольшанский. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с.

17. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]: пер. с англ. / С. Манн. — Режим доступа: http://4as.info/pub/970.

18. Фокс В. Введение в криминологию: пер. с англ. / В. Фокс ; под ред. и со вступ. ст. Б.С. Никифорова, В.М. Когана. — М.: Прогресс, 1985. — 312 с.

19. Кабанов П.А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации на муниципальном уровне / П.А. Кабанов // Мониторинг правоприменения. — 2013. — № 2. — С. 38–43.

20. Бабенко А.Н. Актуальность и практическое значение исследования региональных особенностей преступности / А.Н. Бабенко // Актуальні проблеми адміністративного та кримінального права і процесу: матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції молодих вчених, Донецьк, 15 березня 2014. — Донецьк: ООО «Цифровая типография», 2014. — С. 20.